

Два начала в христианском движении русской молодежи

Движение по мере своего расширения и возрастания переживает трудности, которых не знало в своем начальном периоде ранней юности и детстве¹. И некоторые старые деятели Движения разочаровываются в нем и отпадают от него. Миновал период первой радости встреч русской христианской молодежи, период небольших интимных кружков и семейного характера Движения. Образовалась большая организация, с бюрократическим аппаратом, с разнообразными практическими задачами, работой с детьми и пр. Кончился романтический период Движения и начался период реалистический. Бюрократизм, который многих смущает и с которым следует бороться, есть роковой результат расширения Движения и неизбежности придать ему более организованный характер. И внутри Движения возникает борьба, трения и противоборство разных настроений. Русской молодежи нередко представляется, что Движение принимает нежелательное направление, что происходит измена русскому религиозному типу. Как осмыслить это явление? Я думаю, что подойти к этому явлению нужно изнутри противоборствующих в Движении начал.

Христианское движение русской молодежи определяет себя как движение традиционно православное и русское. В этом душа Движения и его внутренний пафос. Лучшая часть молодежи дорожит этим традиционным русско-православным характером Движения. Но существуют ли русские и православные традиции для такого рода движения? Таких традиций не существует, в православии в прошлом не было ничего подобного. Организованное движение русской православной молодежи есть явление новое. И у тех, которые убеждены, что в будущем никогда не должно быть того, чего не было в прошлом, которые видят исключительную правду в традиционализме и консерватизме, является подозрительное враждебное отношение к Движению, как в новшеству, заимствованному у иностранцев, как к начинанию, по духу своему, не русскому и не православному.

¹ Об этом писал уже в №1 В.В. Зеньковский.

Подозрительное отношение к Движению определяется не только обскурантскими настроениями, вульгарными и низкопробными страхами «масонства» и т.п., но и более глубоким беспокойством русской молодежи потерять религиозное и национальное своеобразие его духовного типа, боязнию, что практицизм задавит внутреннюю духовную жизнь. Я совсем недавно встретился с этим во время беседы с русской молодежью в Нанси. Всемирная христианская студенческая федерация и Христианский союз молодых людей (УМСА) возникли по протестантской инициативе и носили протестантский характер, хотя и признавали себя интерконфессиональными. При образовании этих мировых христианских организаций не существовало типа русского православного Движения молодежи, и он не мог быть принят во внимание. И поскольку в прошлом было студенческое христианское движение в России, оно шло на буксире у Движения иностранного и по преимуществу протестантского. ныне положение изменилось. Существует русское православное Движение молодежи и оно вносит в мировое христианское Движение молодежи свои существенные национальные и религиозные черты. Движение это, если и не называет себя формально православным, то является православным по духу, по цели, по пафосу. Но русских и православных методов организации молодежи, традиционно русских и православных методов активности молодежи не выработала пока история, они не нужны были и не были дозволены в огромной и могущественной православной монархии, в которой Церковь охранялась, и церковная жизнь организовывалась государственной властью. Но вот радикально изменилось положение православной Церкви, она принуждена существовать не в православном христианском государстве, а в государстве, враждебном христианской Церкви и даже всякой религии, воздвигающем гонение на Церковь. Церковь принуждена самоорганизовываться, сама себя защищать и поддерживать, она вышла из-под опеки. И это требует исключительной активности от членов Церкви, от православных людей, от мирян.

Русская православная молодежь не может быть равнодушна к положению Православной Церкви и к новым задачам, которые стоят перед ней в новую историческую эпоху. Движение русской православной молодежи есть не только движение в Церкви, движение, направленное к оцерковлению жизни. Безмерно возросла ответственность каждого православного за судьбу Церкви. Неизбежно пробуждение активности внутри церковного народа, церковного общества и, прежде всего, церковной молодежи, как наиболее энергичной, живой и взволнованной. Староверы, которые хотят исключительно охранять старый стиль православия, связанный с пассивной безответственностью членов Церкви, просто находятся в состоянии слепоты и глухоты, не слышат призывов своей Церкви, не видят новых обязанностей перед Церковью, лишены ощущения истории и движения времени. Возникновение русского христианского движения молодежи есть факт неотвратимый, факт, свидетельствующий о самоукреплении и самораскрытии жизни Церкви, церковного народа. Оно означает религиозную деятельность в миру и не является церковным в узком смысле слова, т.е. не входит в епархиальную организацию Церкви. Но русская молодежь, в массе своей, унаследовала традиционный православно-русский склад души. Этот склад души не приспособлен к новым формам религиозной активности и организованности и требует выработки в новом опыте такой организованности и активности. В прошлом русская молодежь привыкла к анергичной активности к социал-демократическим кружкам. И вот ныне русская молодежь сталкивается в эмиграции с западными христианскими движениями молодежи, с западными христианскими организациями, по преимуществу американскими и учится у них методам деятельности, которые раньше ей не были знакомы. Христианский союз молодых людей, как организация протестантская, не оказывает религиозного духовного влияния на русское Движение, но несомненно оказывает довольно значительное организационное влияние, подсказывает новые практические задачи и сообщает свои методы деятельности.

Таким образом, в душе русской молодежи борются два начала — русский православный дух и методы организации и деятельности, заимствованные у иностранцев, преимущественно у американцев. Эти два начала часто показываются не соединенными органически, а лишь смешанными механически. Остаться верным традиционному русско-православному типу и вместе с тем сделать его активным, приспособленным к новым историческим задачам есть очень трудная творческая задача. Тут один традиционализм не может помочь, тут нужно творчество. И на пути этом стоят два соблазна, две опасности, которые одинаково должны быть избегнуты. Одни в романтической идеализации безвозвратно ушедшего прошлого, хотят только возврата к традиционному типу и стилю, и восстают против всяких новшеств, против всяких новых задач и новой активности, с подозрением и нелюбовью относятся к западным христианским вероисповеданиям. Другие, увлеченные потоком времени и новыми веяниями, обезличиваются, изменяют своему русскому православному духовному типу, американизуются или англизируются, заражаются практицизмом, понижающим качество духовности. Одни не хотят ничего, кроме возрождения духовной жизни в старой православной традиции. Другие отдаются практической деятельности, организациям, социальным задачам и внешним усовершенствованиям, забыв о том, что в религиозном движении на первом плане должна стоять внутренняя духовная жизнь. Необходимо избежать и той, и другой опасности; и это требует творческих усилий. Нужно выработать новый тип православно-русской активности, нужно учиться у Запада, у Америки, сохраняя свое духовное своеобразие. Православие религиозно богаче протестантизма и уже потому не может ему подчиниться. И потому русские православные люди могут без страха относиться с большим вниманием и любовью к западному христианскому миру. Страх и подозрительность есть порождение слабости и неуверенности в себе.

Мне думается, что трудности и внутренние трения в нынешней стадии Движения связаны с столкновением этих двух начал. Русская душа не сразу

приспособляется к новым задачам, к новым формам деятельности, к новым методам; она не претворяет их органически, она то протестует и обнаруживает отрицательную реакцию, то внешне приспособляется и ассимилируется с чуждыми ей элементами. Все будущее Движения связано с осознанием той истины, что историческое положение и историческая миссия русской православной Церкви требует выполнения совершенно новых задач и совершенно новых форм активности, а значит и выработки новых методов. Старый стиль православия сменяется новым стилем, но и православие нового стиля остается все тем же вечным православием. Стиль принадлежит историческому времени, а не вечной природе Церкви. Русская душа не может стать похожей на американскую, латинскую или германскую, не может органически проникнуться чуждым ей типом движения протестантского мира. Она имеет свой тип духовности, за который должна бороться. Но она может и должна себя актуализировать, должна себя более организовать, должна учиться у всех, не для того, чтобы раствориться во всех и потерять себя, а для того, чтобы обнаружить русское православное лицо в новую христианскую эпоху. Поворот к России, образование кружка по изучению России имеет в этом отношении большое значение. Мы живем в эпоху выхода православия из состояния замкнутости в мировую ширь. Поэтому противоречия, трудности и соблазны в Движении не должны пугать, их нужно творчески изжить, сознав свою цель и свое положение в мире.

Николай Бердяев

Париж